

Рец. на кн.: MIRJAM GALLEY. *BUILDING COMMUNISM AND POLICING DEVIANCE IN THE SOVIET UNION: RESIDENTIAL CHILDCARE, 1958–1991.* Philadelphia, PA: Routledge, 2020. 240 p.

Анна Николаевна Алтухова

Университет Гумбольдта в Берлине
40–41 Мореиштрассе, Берлин, Германия
anna.altukhova@hu-berlin.de

Аннотация: Монография Мирьям Гэллей, посвященная истории школ-интернатов в СССР с 1958 по 1991 г., восполняет существенный пробел в историографии советских интернатных учреждений: до выхода книги подробного описания этого феномена на всем протяжении после сталинского времени практически не было. В монографии изложены предпосылки создания школ-интернатов, восстановлен быт и повседневность этих учреждений, которые автор стремится представить как неизменные на протяжении тридцати лет, а также сделана попытка реконструировать личный опыт сотрудников и воспитанников интернатов. Однако главный интерес автора сосредоточен на принципах управления этими учреждениями, которые проистекали из условий жесткой экономии, с одной стороны, а с другой — почти полного безразличия и к самим интернатам, и к воспитанникам со стороны чиновников и разных институций, несмотря на постулируемую на высшем уровне заботу и беспокойство. Автор показывает, как задача государственной важности — воспитание будущих рабочих — фактически зависела от личной воли отдельных людей, равно как от их умения представить результаты своей работы на бумаге в лучшем свете.

Ключевые слова: школа-интернат, сиротство, бюрократия, социальная политика, СССР.

Для ссылки: Алтухова А. Рец. на кн.: Mirjam Galley. *Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–1991.* Philadelphia, PA: Routledge, 2020. 240 p. // *Антропологический форум.* 2024. № 60. С. 215–225.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-215-225

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/060/altukhova.pdf>

A Review of MIRJAM GALLEY, *BUILDING COMMUNISM AND POLICING DEVIANCE IN THE SOVIET UNION: RESIDENTIAL CHILDCARE, 1958–1991.* Philadelphia, PA: Routledge, 2020, 240 pp.

Anna Altukhova

Humboldt-Universität zu Berlin
40–41 Mohrenstraße, Berlin, Germany
anna.altukhova@hu-berlin.de

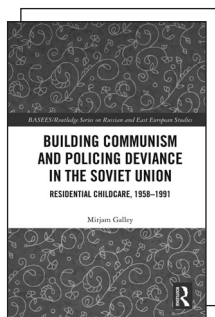
Abstract: Mirjam Galley's monograph on the history of boarding schools in the USSR from 1958 to 1991 fills a significant gap in the historiography of Soviet boarding institutions. Prior to the publication of this book, there was no in-depth analysis and description of this phenomenon throughout the post-Stalin era. The monograph analyses the historical context which conditioned the project of boarding schools, reconstructs their routine, which the author describes as unchanged during thirty years, and uncovers the personal experiences of boarding school staff and charges. However, the author's primary interests lie within the domain of management principles. While high officials postulated ideals of care and concern, the key features of these institutions were austere conditions, on the one hand, and the almost total indifference that officials and representatives of state institutions demonstrated towards the project of boarding schools and schoolchildren in particular, on the other hand. Galley outlines how the upbringing of future workers, which was advertised as a duty of the utmost importance, actually depended on the personal goodwill of bureaucrats as well as on the ability of boarding schools' staff to present the paper results of their work in the best possible manner.

Keywords: boarding schools, orphanhood, bureaucracy, childcare policy, USSR.

To cite: Altukhova A., 'A Review of Mirjam Galley, *Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–1991.* Philadelphia, PA: Routledge, 2020, 240 pp.', *Antropologičeskij forum*, 2024, no. 60, pp. 215–225.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-60-215-225

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/060/altukhova.pdf>

Рец. на кн.: **Mirjam Galley**. *Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–1991*. Philadelphia, PA: Routledge, 2020. 240 p.

Монография Мирьям Гэллей, посвященная истории школ-интернатов в СССР с 1958 по 1991 г., восполняет существенный пробел в историографии советских интернатных учреждений: до выхода книги подробного описания этого феномена на всем протяжении послесталинского времени практически не было. В монографии изложены предпосылки создания школ-интернатов, восстановлен быт и повседневность этих учреждений, которые автор стремится представить как неизменные на протяжении тридцати лет, а также сделана попытка реконструировать личный опыт сотрудников и воспитанников интернатов. Однако главный интерес автора сосредоточен на принципах управления этими учреждениями, которые проистекали из условий жесткой экономики, с одной стороны, а с другой — почти полного безразличия и к самим интернатам, и к воспитанникам со стороны чиновников и разных институций, несмотря на постулируемую на высшем уровне заботу и беспокойство. Автор показывает, как задача государственной важности — воспитание будущих рабочих — фактически зависела от личной воли отдельных людей, ровно как от их умения представить результаты своей работы на бумаге в лучшем свете.

Ключевые слова: школа-интернат, сиротство, бюрократия, социальная политика, СССР.

Когда выходят книги, о появлении которых можно было либо только мечтать, либо бросать все и приниматься писать самой, — это большая удача. Книга Мирьям Гэллей, посвященная советским школам-интернатам (и вообще разным формам интернатов), а также тем изменениям, которые могли бы, но не произошли с этой системой с момента ее основания в 1958 г. до самого распада Советского Союза, — одна из таких. Работы, которые касались истории интернатных учреждений в СССР, разумеется, были и до публикации книги Гэллей. Прежде всего это статьи Марии Майофис [Майофис 2015; 2016], но и другие исследования, в которых история советских учреждений была не основным фокусом, или посвященные другим историческим периодам или особым видам интернатов¹ [Kelly 2007; Келли 2008; Смирнова 2012; Kalinnikova, Trygged 2014; Galmarini-Kabala 2016; 2018]. Поэтому можно сказать, что это первая книга, целиком и полностью

Анна Николаевна Алтухова
 Университет Гумбольдта в Берлине,
 Берлин, Германия
 anna.altukhova@hu-berlin.de

¹ Я не касаюсь истории интернатов в других социалистических странах.

сосредоточенная на истории школ-интернатов в СССР, и оттого поражает тот факт, что ее публикация в 2020 г. прошла настолько незамеченной: всего несколько рецензий [Grant 2022; Petrone 2022] и малый интерес со стороны исследователей. Не со всем, о чем пишет Гэллей, можно согласиться, но с книгой имеет смысл познакомиться не только тем, кто интересуется интернатными учреждениями и сиротами, но и куда более широкому кругу читателей.

Монография “Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–1991” («Строительство коммунизма и контроль над девиантностью в Советском Союзе: интернатные учреждения для детей в 1958–1991 гг.») выросла из диссертации с весьма схожим названием¹, защищенной в 2019 г. в Университете Шеффилда, и вышла буквально через год после этого — в 2020. Поэтому не стоит удивляться, если читатель, уже знакомый с текстом диссертации, найдет мало отличий между ними. Даже советская педология, переведенная в диссертации как *Pediatrics* [Galley 2019: 72], перекочевала в книгу без изменений. Впрочем, сразу оговорюсь, что педология обсуждается в тексте лишь вскользь, что вполне объяснимо историческим периодом, который интересует Гэллей. Поэтому эта неточность не должна отпугивать читателя, хотя по понятным причинам может насторожить. Однако Гэллей, работавшая в нескольких архивах и выудившая оттуда выдающееся количество исторических свидетельств о положении дел в школах-интернатах в Латвийской ССР, Свердловской и Челябинской областях, в остальных вопросах не дает повода усомниться в своей исторической точности.

Книга поделена на четыре главы: первые две посвящены историческому контексту, обращаясь к которому, Гэллей объясняет и само появление школ-интернатов и указывает причины, вследствие которых советская интернатная система приняла именно такой вид. В этих главах автор основывается преимущественно на методических материалах, издававшихся в СССР на эту тему. Две последние главы сфокусированы на описании некоторых аспектов жизни этих учреждений, которые Гэллей реконструирует на основе архивных данных и интервью, собранных в рамках другого проекта (см. подробнее в книге — р. 12). Не приуменьшая заслуг Гэллей, монографию “Building Communism...” можно рассматривать как долгожданное продолжение исследований Марии Майофис о том, как эта система появилась [Майофис 2016]. Гэллей показывает историю интер-

---

¹ “Builders of Communism, ‘Defective’ Children, and Social Orphans: Soviet Children in Care after 1953”. Надо сказать, что это название, на мой взгляд, даже точнее, нежели то, что получила книга.

натов до конца Советского Союза (период, который в принципе обделен вниманием историков, интересующихся советскими сиротскими учреждениями, борьбой с беспризорностью и прочими вопросами, связанными с проблемным или делинквентным детством). Кроме того, автор развивает и углубляет многие тезисы Майофис, напрямую вступая с ними в диалог.

В первой главе «Контроль над девиантностью: криминализация бедности посредством системы интернатных учреждений в послесталинскую эпоху» Гэллей показывает основные пути институционализации детей. Она пытается доказать, что система интернатов, которая начала разрастаться после образовательной реформы 1958 г., была всего лишь ответом на целый ряд социальных проблем, вроде бедности, алкоголизации населения, проблемы восполнения кадров и домашнего насилия. Читателю, знакомому с публикациями Майофис, в какой-то момент может показаться, что эта глава похожа на существенно расширенные, но все же пересказанные для англоязычной публики тезисы российской исследовательницы, однако это не совсем так.

Хотя основной вектор внимания у этих двух авторов более чем схож — основная вина за проблемы (или проблемных) детей возлагалась государством на родителей и семью в целом, с чем и призваны были разобрататься интернаты (Р. 26–28), Гэллей добавляет к своему рассуждению новые значения и контексты. Кроме того, она показывает, как именно эта «вина» создавалась. Так, автор пишет, что, поскольку в СССР не было как таковых социальных работников, их функцию выполняли разнообразные *volunteers* (неожиданное слово для этого контекста, но поговорим об этом позже) или «общественность» — целый ряд институций, осуществляющих контроль за семьей по своему усмотрению и согласно своему пониманию того, за чем именно нужно следить и как исправлять положение. В категорию “volunteers”, согласно Гэллей, попадали и детская комната милиции, и райисполкомы, и домовые комитеты, и жилконторы, и многие другие объединения граждан, которые могли заинтересоваться судьбой ребенка, принять решение о его или ее изъятии из семьи и отправке в интернат (Р. 38). В то же время уже в этой главе Гэллей начинает методично отмечать случаи, когда решение (одной из комиссий или обеспокоенной группы граждан) принималось, но не исполнялось, например из-за того, что прокурор по делам несовершеннолетних замечал, что комиссия собралась отправить в воспитательную колонию двухлетнего ребенка (Р. 40). Внимание автора к подобным нестыковкам, медлительности и несогласованности действий разных советских институций (*institutional laziness* — р. 41) в следующих главах станет куда более пристальным, а в первой главе эта тема играет роль скорее приманки, которая должна побудить чита-

теля к размышлениям о том, отчего же советская система заботы о детях была столь противоречивой.

Вторая глава «Продуктивность и дефектология: от криминализации к патологизации девиантности» рассказывает о том, как дети, попавшие в систему интернатов, перемещались по ней в результате дефектологической классификации. Бегло очерчивая педагогические корни идеи воспитания ребенка в отрыве от семьи, Гэллей переходит к рассуждению о том, почему масштабный проект по распространению школ-интернатов по всему Союзу никак не мог обрести и так никогда и не обрел задуманных очертаний. Во многом эта глава дополняет уже высказанный ранее разными авторами тезис: границы категорий, которыми оперировали советские институции, имеющие дело с детьми и их распределением, были размыты. Поэтому дети изымались из семей или из школ скорее по причине трудного или неудобного поведения, а также маргинальности / бедности их родителей, нежели по какой-то еще. В результате многие получали несправедливые ярлыки и диагнозы и направлялись в специальные учреждения (см.: [Zezina 2000; Келли 2008; Schmidt 2009: 66; Смирнова 2012: 18–21; Гальмарини 2015: 122–126; Galmarini-Kabala 2018]). Надо отдать должное Гэллей, которая подробно останавливается на диагнозе «умственная отсталость», поставленном сотням детей, и доказывает социальную, институциональную его природу. Для тех исследователей, кого волнует эта тема, вторая глава может быть весьма полезной. Автор не использует термина «интерсекциональность» в своей работе, но замечу, что эту книгу можно счесть написанной в этой оптике и вписать в ряд других исследований, в которых инвалидность, девиантность или «неполноценность», определенная в медицинских терминах, оказываются плотно переплетены с другими социальными категориями, например расой (см.: [Metzl 2010]).

Гэллей объясняет многолетний волонтаризм в приписывании категорий и неосуществленные планы масштабирования интернатской системы экономическими причинами или, вернее, соображениями экономии, о которых также писала Майофис [Майофис 2016]. Однако если у Майофис экономия рассматривается просто как некоторая историческая необходимость, вынужденная мера, то Гэллей видит в ней особую прагматику — интернаты функционировали именно так, чтобы достичь наибольшей эффективности при наименьших затратах (Р. 64). В этом Гэллей видит проявление биовласти по Фуко и связывает ее с «сциентизацией социальной работы» [Raphael 1996]. Некоторое волнение при мысли о том, как сочетаются хаос в приписывании категорий и сциентизация, читатель может ощутить уже здесь, но я хочу обсудить этот момент позже.

Третья глава «Управление школами-интернатами: стратегии герметизации»¹ задумана как детальное описание механизмов осуществления той самой биовласти. Для этого Гэллей привлекает внушительное количество архивных данных: отчеты различных инспекций или наблюдателей, оказывавшихся в школах-интернатах (215 учреждений) в трех указанных регионах на протяжении трех десятилетий. Надо сказать, что многие исследователи использовали подобные отчеты как основной источник информации о функционировании интернатов — это и Мария Майофис, и Эндрю Стоун, который написал диссертацию о детских домах в 1920–1930-х гг., и Елена Хлыновская-Рокхилл, издавшая книгу об интернатах постсоветского времени [Rockhill 2010; Stone 2012; Майофис 2016]. Как правило, информация, фиксировавшаяся в таких документах, свидетельствовала о том, что снабжение учреждений было ужасным, что детским домам и интернатам не хватало кроватей, столов, одежды, ботинок и пр., а также о том, что там процветало насилие разного рода. Мирьям Гэллей приводит эти данные тоже, однако использует их не только для того, чтобы описать кошмарный быт и удручающее состояние детей. Обращая внимание скорее на то, кто и когда составлял эти отчеты и как на них реагировали сами интернаты и прочие инстанции, Гэллей размышляет о том, какое место занимали сиротские учреждения в ряду других институций, связанных с образовательной и социальной политикой, что в конечном итоге больше говорит о принципах распределения государственного внимания и об устройстве коммуникации между разными ведомствами вообще, нежели о проблемах школ-интернатов. И в этом главное достоинство книги Гэллей.

Несмотря на то что интерес советского руководства к школам-интернатам несколько угас, после того как стала понятна цена воплощения столь масштабного проекта в жизнь (Р. 73–74), риторика мало изменилась. Согласно ей, эти учреждения выполняли задачу государственной важности — возвращали и поставляли стране рабочие кадры, и потому руководство обещало быть внимательным к их потребностям и нуждам. Отчеты, с которыми работала Гэллей, показывают противоположное: выполнение задачи государственной важности зависело, с одной стороны, от воли конкретных людей на местах, которые отодвигали интересы интернатов на задний план, оставляя их с мизерным снабжением (Р. 106), а с другой стороны, от того, насколько хорошо директора интернатов умели справляться

¹ Поскольку глава посвящена тому, как руководство интернатов старалось скрыть лишнюю информацию о происходящем внутри от внешних глаз, то я предлагаю перевести оригинальный термин *containment* именно как 'герметизация', а не 'сдерживание' или 'сокрытие'.

с такими условиями (Р. 138). В конце концов подобная политика привела к тому, что эти учреждения превратились в своеобразные «отстойники», где хронически не хватало кадров и инструментария и где в огромных количествах скапливались дети, поскольку чиновники повыше рангом мало интересовались наполняемостью интернатов (Р. 115–122).

Как показывает автор, необходимость изображать кузницу кадров на презентабельном уровне оставалась — директорам интернатов нужно было создавать видимость благополучия на бумаге, до тех пор пока не приезжала комиссия или вышеупомянутые *volunteers*. Однако пристального внимания со стороны властей интернатная система заслуживала только в случаях эксцессов: побег, которые нарушали спокойствие городов, суициды воспитанников и жестокие драки, которые заканчивались смертью кого-то из детей в больнице (Р. 137–138). Вылезающая за отведенные ей границы девиантность требовала принятия мер и поиска ответственных, тогда как в остальных случаях состояние дел в интернатах не вызывало у властей желания вмешиваться. Объяснить это «парадоксальное» положение дел Гэллей предлагает с помощью неожиданным образом вывернутой концепции «тотальных институтов» Гофмана: закрытость института означает не столько то, что воспитанники исключены из остального мира и заперты в стенах интернатов, сколько то, что директора этих учреждений пытаются скрыть происходящее внутри, а высшее руководство хочет спрятать в интернатах все то, что не должно попадаться на глаза «нормальной» публике.

Заключительная глава «Жизнь под опекой как образ жизни? Детский опыт, “казарменная” жизнь и трудности переходов», в которой автор реконструирует на основе архивных данных, а также личных интервью опыт самих воспитанников интернатов и учителей, дополняет эту историю как нельзя лучше. Гэллей показывает, как принцип экономии ресурсов, задаваемый сверху и определяющий возможности по организации рутины интерната, приводил к тому, что воспитанники нередко выбивались из-под контроля и формировали свои правила поведения, которые автор сравнивает с «дедовщиной». Случаи насилия между детьми, побои, кражи и смерти были не редкостью. Как и во всех остальных случаях, когда информация об этом не просачивалась во внешний мир, проблемы эти никого не интересовали (Р. 177).

Пока автор поражается парадоксальности советских интернатов, читатель, все больше узнавая про их быт, все сильнее удивляется парадоксальной связи между приводимыми данными и объясняющими их теориями и концепциями. Если с вызывающим недоумением у русскоязычного читателя словом *volunteers* в от-

ношении представителей жилконтор и сотрудников детских комнат милиции еще можно свыкнуться, то биовласть Фуко и перевернутые тотальные институты Гофмана проскочить трудно. В какой-то момент у меня появилось желание спросить автора в духе Фрэда Альфорда, усомнившегося в правдивости суждений Фуко относительно тюрем [Alford 2000]: может быть, работу советских школ-интернатов, которые еле-еле сводили концы с концами и не интересовались не только судьбой своих выпускников, но иногда даже и беглецов (Р. 128), не стоит объяснять через фуколдианскую биовласть и тотальные институты? Может быть, эти данные говорят о какой-то совершенно иной форме управления? Полагаю, что скорее здесь имеет смысл говорить о *thoughtlessness* Ханны Арендт [Arendt 2006], чем об эффективном и рациональном управлении и дисциплинировании субъектов, на чем настаивает Гэллей (Р. 130): индивиды в этой системе не имеют никакой значимости, или ценности, потому что о них в таком ключе попросту никто не думает.

Тем не менее, несмотря на возможные теоретические споры, эта книга за счет тех материалов, которые она выводит на свет, открывает доступ к не самому привычному взгляду на советскую социальную политику. Вместо индивидов, создающих группы и объединения, пытающихся заявлять и отстаивать свои интересы перед лицом государства, давшего обещание позаботиться о них [Galmarini-Kabala 2016; Shaw 2017], мы видим директоров интернатов, чиновников невысоких уровней, которые не просто не используют дискурс прав, но и в целом не очень заботятся о том, чтобы заявленная программа исполнялась. Историки, занимающиеся вопросами, весьма далекими от школ-интернатов, не раз замечали, что в Советском Союзе было особое отношение к праву, к букве закона, которые оказывались не более чем пустым звуком (см., например: [Hendley 1996]). Здесь же мы видим, как этот принцип игнорирования закона работал не только внутри судебной системы. Поэтому, оставив далеко позади обеспокоенную общественность и разнообразных *volunteers*, к концу книги читатель обнаруживает себя перед зияющей пустотой советских социальных обязательств на фоне детально прорисованной машинерии безразличия по отношению и к человеческим нуждам, и к большим государственным заказам.

Библиография

- Гальмарини М.К. Морально дефективный, преступник или психически больной? Детские поведенческие девиации и советские дисциплинирующие практики: 1935–1957 // Кукулин И., Майофис М., Сафронов П. (ред., сост.). Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. С. 107–151.

- Келли К.* Дети государства, 1935–1953 // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. <<https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html>>.
- Майофис М.* Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Кукулин И., Майофис М., Сафонов П. (ред., сост.). Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. С. 35–106.
- Майофис М.* Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954–1964 годах // Новое литературное обозрение. 2016. № 6. С. 292–324. <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12337/>.
- Смирнова Т.М.* Детские дома и трудколони: жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2012. № 3. С. 16–38.
- Alford F.C.* What Would It Matter If Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? “Discipline and Punish” after Twenty Years // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. No. 1. P. 125–146.
- Arendt H.* *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. N.Y.: Penguin, 2006. 336 p.
- Galley M.* *Builders of Communism, “Defective” Children, and Social Orphans: Soviet Children in Care after 1953*: Diss. University of Sheffield. Sheffield, 2019.
- Galmarini-Kabala M.* *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2016. 322 p.
- Galmarini-Kabala M.* Psychiatry, Violence, and the Soviet Project of Transformation: A Micro-History of the Perm’ Psycho-Neurological School-Sanatorium // *Slavic Review*. 2018. Vol. 77. No. 2. P. 307–332. doi: 10.1017/slr.2018.125.
- Grant S.* Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–91 // *Social History*. 2022. Vol. 47. No. 1. P. 112–114. doi: 10.1080/03071022.2022.2009702.
- Hendley K.* *Trying to Make Law Matter: Legal Reform and Labor Law in the Soviet Union*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1996. 265 p.
- Kalinnikova L., Trygged S.* A Retrospective on Care and Denial of Children with Disabilities in Russia // *Scandinavian Journal of Disability Research*. 2014. Vol. 16. No. 3. P. 229–248. doi: 10.1080/15017419.2013.861865.
- Kelly C.* *Children’s World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven, CT: Yale University Press, 2007. 714 p.
- Metzl J.M.* *The Protest Psychosis: How Schizophrenia Became a Black Disease*. Boston: Beacon Press, 2010. 246 p.
- Petrone K.* Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–91 // *The Russian Review*. 2022. Vol. 81. No. 1. P. 180–181. doi: <https://doi.org/10.1111/russ.12354>.
- Raphael L.* Die Verwissenschaftlichung des Sozialen als methodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20.

Jahrhunderts // Geschichte und Gesellschaft. 1996. Bd. 22. No. 2. S. 165–193.

Rockhill E.K. Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East. N.Y.: Berghahn Books, 2010. 384 p.

Schmidt V. Orphan Care in Russia // Social Work and Society. 2009. Vol. 7. No. 1. P. 58–69.

Shaw C.L. Deaf in the USSR: Marginality, Community, and Soviet Identity, 1917–1991. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. 292 p.

Stone A.B. Growing Up Soviet? The Orphans of Stalin's Revolution and Understanding the Soviet Self: PhD Diss. Washington, 2012.

Zežina M.R. The System of Social Protection for Orphaned Children in the USSR // Russian Social Science Review. 2000. Vol. 42. No. 1. P. 44–63. doi: 10.2753/RES1060-9393421268.

Анна Алтухова

A Review of Mirjam Galley, *Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–1991*. Philadelphia, PA: Routledge, 2020, 240 pp.

Anna Altukhova

Humboldt-Universität zu Berlin
40–41 Mohrenstraße, Berlin, Germany
anna.altukhova@hu-berlin.de

Mirjam Galley's monograph on the history of boarding schools in the USSR from 1958 to 1991 fills a significant gap in the historiography of Soviet boarding institutions. Prior to the publication of this book, there was no in-depth analysis and description of this phenomenon throughout the post-Stalin era. The monograph analyses the historical context which conditioned the project of boarding schools, reconstructs their routine, which the author describes as unchanged during thirty years, and uncovers the personal experiences of boarding school staff and charges. However, the author's primary interests lie within the domain of management principles. While high officials postulated ideals of care and concern, the key features of these institutions were austere conditions, on the one hand, and the almost total indifference that officials and representatives of state institutions demonstrated towards the project of boarding schools and schoolchildren in particular, on the other hand. Galley outlines how the upbringing of future workers, which was advertised as a duty of the utmost importance, actually depended

on the personal goodwill of bureaucrats as well as on the ability of boarding schools' staff to present the paper results of their work in the best possible manner.

Keywords: boarding schools, orphanhood, bureaucracy, childcare policy, USSR.

References

- Alford F. C., 'What Would It Matter If Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? "Discipline and Punish" after Twenty Years', *Theory and Society*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 125–146.
- Arendt H., *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Penguin, 2006, 336 pp.
- Galley M., *Builders of Communism, "Defective" Children, and Social Orphans: Soviet Children in Care after 1953*. Diss. University of Sheffield. Sheffield, 2019.
- Galmarini-Kabala M., 'Moralno defektivnyy, prestupnik ili psikhicheski bolnoy? Detskie povedencheskie deviatsii i sovetskie distsipliniruyushchie praktiki: 1935–1957' [Morally Defective, Delinquent or Mentally Ill? Children's Behavioral Deviations and Soviet Disciplinary Practices: 1935–1957], Kukulini I., Mayofis M., Safronov P. (eds., comps.), *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsialnoe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: The Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980s)]. Moscow: NLO, 2015, pp. 107–151. (In Russian).
- Galmarini-Kabala M., *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2016, 322 pp.
- Galmarini-Kabala M., 'Psychiatry, Violence, and the Soviet Project of Transformation: A Micro-History of the Perm' Psycho-Neurological School-Sanatorium', *Slavic Review*, 2018, vol. 77, no. 2, pp. 307–332. doi: 10.1017/slr.2018.125.
- Grant S., 'Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–91', *Social History*, 2022, vol. 47, no. 1, pp. 112–114. doi: 10.1080/03071022.2022.2009702.
- Hendley K., *Trying to Make Law Matter: Legal Reform and Labor Law in the Soviet Union*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1996, 265 pp.
- Kalinnikova L., Trygged S., 'A Retrospective on Care and Denial of Children with Disabilities in Russia', *Scandinavian Journal of Disability Research*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 229–248. doi: 10.1080/15017419.2013.861865.
- Kelly C., *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven, CT: Yale University Press, 2007, 714 pp.
- Kelly C., 'Deti gosudarstva, 1935–1953' [Children of the State, 1935–1953], *Neprikosnovennyy zapas*, 2008, no. 2. <<https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html>>. (In Russian).
- Mayofis M., 'Predvestiya "ottepeli" v sovetskoy schkolnoy politike pozdne-stalinskogo vremeni' [Portents of the Khrushchev Thaw in the Soviet

- School Policy of the Late Stalin Period], Kukulin I., Mayofis M., Saffronov P. (eds., comps.), *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsialnoe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: The Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980s)]. Moscow: NLO, 2015, pp. 35–106. (In Russian).
- Mayofis M., 'Pansiony trudovykh rezervov: formirovanie sistemy shkol-inter-natov v 1954–1964 godakh' [Boarding Houses of Standby Labor: The Formation of the Boarding School System in 1954–1964], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2016, no. 6, pp. 292–324. <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12337/?sphrase_id=615377>. (In Russian).
- Metzl J. M., *The Protest Psychosis: How Schizophrenia Became a Black Disease*. Boston: Beacon Press, 2010, 246 pp.
- Petrone K., 'Building Communism and Policing Deviance in the Soviet Union: Residential Childcare, 1958–91', *The Russian Review*, 2022, vol. 81, no. 1, pp. 180–181. doi: <https://doi.org/10.1111/russ.12354>.
- Raphael L., 'Die Verwissenschaftlichung des Sozialen als methodische und konzeptionelle Herausforderung für eine Sozialgeschichte des 20. Jahrhunderts', *Geschichte und Gesellschaft*, 1996, Bd. 22, No. 2, SS. 165–193.
- Rockhill E. K., *Lost to the State: Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*. New York: Berghahn Books, 2010, 384 pp.
- Schmidt V., 'Orphan Care in Russia', *Social Work and Society*, 2009, vol. 7, no. 1, pp. 58–69.
- Shaw C. L., *Deaf in the USSR: Marginality, Community, and Soviet Identity, 1917–1991*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017, 292 pp.
- Smirnova T. M., 'Detskie doma i trudkolonii: zhizn "gosudarstvennykh detey" v sovetskoy Rossii v 1920–1930' [Children's Homes and Labor Colonies: The Life of "State Children" in Soviet Russia in the 1920s–1930s], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, 2012, no. 3, pp. 16–38. (In Russian).
- Stone A. B., *Growing Up Soviet? The Orphans of Stalin's Revolution and Understanding the Soviet Self*: PhD Diss. Washington, 2012.
- Zeina M. R., 'The System of Social Protection for Orphaned Children in the USSR', *Russian Social Science Review*, 2000, vol. 42, no. 1, pp. 44–63. doi: 10.2753/RES1060-9393421268.